

УДК 811.161.1=930.85

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СЛАВЯНСКИХ И ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

© 2018 г.

Э.Б. Боев,¹ Мохаммад Мохаммадиан Суте²¹ Нижегородское региональное отделение Межрегиональной общественной организации содействия развитию иранистики «Общество молодых иранистов», Н. Новгород² Иранская ассоциация русского языка и литературы
при Тегеранском государственном университете, Исламская Республика Иран

sogdak@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.09.2018

Дается исторический обзор проникновения иранской лексики в славянские языки и славянской – в языки иранской группы. На основе привлечения работ российских и иранских исследователей рассматриваются вопросы лексических параллелей в славянских и иранских языках, освещаются исторические условия славяно-иранского языкового взаимодействия. Авторами использован междисциплинарный подход, позволяющий исследовать рассматриваемую тему в историческом, филологическом и культурологическом контекстах. Результатом работы является выполненный анализ лексических заимствований в различных сферах лексики – социальной, научной, бытовой, военной, а также в сфере топонимики и духовной культуры – в различные исторические периоды.

Ключевые слова: иранские языки, славянские языки, лексические параллели, славяне, иранцы.

При рассмотрении проблемы славяно-иранских языковых связей необходимо отметить то обстоятельство, что славянские и иранские языки являются родственными по отношению друг к другу. В этом отношении при изучении лексических заимствований неизбежно возникают сложности, поскольку значительный пласт сходной иранской и славянской лексики восходит к периоду существования индоевропейской общности, и поэтому не всегда возможно определить, что является общим индоевропейским наследием, а что – продуктом языкового обмена между окончательно сформировавшимися языковыми группами. Важным является также и то обстоятельство, что славянские и иранские языки входят в группу индоевропейских языков «сатем», таким образом, они намного ближе друг к другу, чем к любому языку из параллельной группы «кентум», объединяющей в себе германские, романские и кельтские языки. В современных условиях славянские и иранские языки продолжают иметь определенные общие признаки, связанные либо с периодом языкового единства, либо со временем языковых контактов на стадии распада индоевропейской общности.

Среди российских исследователей, занимавшихся изучением славяно-иранских языковых связей, необходимо отметить В.И. Абаева, О.Н. Трубочева, В.Н. Топорова, А.А. Зализняка, Д.И. Эдельмана. В работах данных специалистов было доказано, что, несмотря на значительные фонетические и семантические расхо-

ждения, накопившиеся со времени окончательного разделения индоиранских и балто-славянских языков, в современных иранских и славянских языках продолжают использоваться корни общего происхождения, являющиеся частью активно употребляемой лексики [1, с. 127]. В работе российского исследователя И.И. Огиенко «Иноземные элементы в русском языке», вышедшей еще в 1915 году, впервые была предложена классификация заимствований из русского языка в персидский, учитывающая время и способ их проникновения, при этом особо отмечалось древнее влияние иранских языков на становление и развитие русского языка [2, с. 98].

В IV–II тысячелетиях до н. э. область расселения индоевропейцев простиралась от Дуная до Енисея. По мнению археологов, в данный период времени между различными индоевропейскими группами существовали небольшие этнические и языковые различия [3, с. 82]. Индоиранцы, одними из первых выделившиеся из единого индоевропейского массива уже в V–IV тысячелетиях до н. э., стали предками иранских народов. Выдающийся специалист по истории иранских языков В.И. Абаев отмечал, что языковые сходства и параллели в мифологии между ираноязычными народами и народами Западной Европы могут быть объяснены только древнейшими контактами носителей иранских языков с еще не разделенными европейцами (древнеевропейцами), в составе которых формировались предки славян [4, с. 24].

С I тысячелетия до н. э. предки славян контактируют со скифами (с VIII в. до н. э.), сарматами (с III в. до н. э.), аланами (с II в. н. э.). О.Н. Трубочев указывает на славяно-иранские связи скифского времени как свидетельство пребывания и жизни славян на берегах Дуная [4, с. 26]. Иранский русист Х. Голами отмечает, что к данному времени относится заимствование славянами из иранских языков таких лексем, как «Бог», «рай», «святой» [2, с. 38]. Скифы, сарматы и аланы говорили на иранских языках восточноиранской группы. В наши дни к этой группе принято относить осетинский, ягнобский, пушту и памирские языки. Последующее расселение славян на территориях, населённых народами восточноиранской группы языков, оказало влияние на славянскую лексику. Особенно это характерно для юго-восточной части славянского мира – того региона, который в будущем станет очагом этногенеза восточнославянской общности – родоначальницы трех народов – украинцев, русских и белорусов. Культурные контакты между славянской общностью и скифо-сармато-аланскими племенами могли происходить как в рамках черняховской археологической культуры II–IV вв., так и однозначно интерпретируемой в качестве славянской пражской культуры V–VI вв.

Примечательно, что славянские языки обнаруживают общность (схождения и заимствования) с западными языками – кельтскими и германскими в области материальной культуры. При этом в области абстрактных понятий они ориентированы на иранский мир – сюда входят как исконные сходства, так и заимствования из иранских языков. Религиозная терминология восточных славян проникнута мощным иранским влиянием. Само слово «Бог» связано с иранским «baga» (санскр. «bhagas»). «Див» («злой дух») – понятие, укоренившееся у восточных славян, возможно, под влиянием дозорастрийской иранской веры в дэвов. Див упоминается в таком древнерусском памятнике, как «Слово о полку Игореве» (XII в.). «Святой» сходно с иранским «spanta». «Честь» – иранское «chisti» («мысль»). «Цена» – иранское «kaena» («возмездие»). «Явный» – иранское «avi», «рай» – «gaу» («богатство», «благо»), «слово» – «sravah», «слух» – «srausha», «зло» – «zurah» («насилие»), «небо» – «nabah». Имя восточнославянского божества Сварог связано с древнеиранским словом «хварс» («солнце»). В свою очередь, имя бога Хорс связано с корнями хур-, хор-, хрс- в различных иранских языках, означающих «солнце». Данное божество также упоминается в «Слове о полку Игореве» [5, с. 23]. По мнению академика Б.А. Рыбакова, производным от слова «Хорс» является такое

слово, как «хорошо», что означает «угодно Хорсу» [6, с. 68]. Восточнославянское божество Семаргл, представлявшееся в виде крылатой огненной собаки, восходит к иранскому мифическому существу Сэнмурву [7, с. 135].

В славянских языках присутствуют такие иранизмы, как «собака» (древнеиранское «spaka»), так и более поздние слова, например, «чертог» («sahar-tag», «чар-таг» – «четырёхсторонний»), для сравнения – более позднее русское слово «чердак». Существуют иранские термины для элементов степного ландшафта. Некоторые лингвисты считают, что само слово «степь» индоиранского происхождения. Иранское происхождение имеют названия некоторых предметов быта, одежды, напитков, жилищ, а также социальные термины: «топор» (персидское «tabar»); «гуня» (шерстяная куртка) – из иран. «gauna» («цвет, цвет шерсти»); «штаны» (авестийск. «paiti-stana»). Украинское и южнорусское слово «хата» («сельский дом, мазанка») связано с иранским «ката», для сравнения авестийское «kata» («дом, кладовая, погреб»), и является лексикализованной причастной формой от глагола «кап» («копать, рыть»), обозначавшей первоначально, по-видимому, землянку. «Ворс» – иранское «varsa» («волос»); «хмель» (иранское «hauma» – «священный напиток»). В.И. Абаев возводит происхождение слова «медь» к названию страны Мидии, считая, что здесь имеет место перенос названия страны на вывозимый металл. Старославянское слово «хоместарь» («противник») обладает сходством с авестийским «hamaestar», имеющим аналогичное значение. В русском языке присутствуют иранские военные термины: «топор»; «томар» (особая разновидность стрелы, осетинское «томар»); русское «корда» («короткий меч») – иранское заимствование (авестийское «карата» («нож»), персидское «кард»). Характерно также воздействие иранского мира на славянский в выработке некоторых социальных, общественных терминов. В этом контексте следует отметить польское слово «пан» («господин, хозяин, владелец», в древнечешском – «hran») – заимствование из иранского «gurana» («пастух») [1, с. 118–119].

Многие топонимы и гидронимы Восточной Европы имеют иранское происхождение. Изучение топонимики современных Украины, Беларуси и юга России выявляет иранские названия таких рек, как Днепр, Днестр, Дунай, Дон, Донец и др. Это является свидетельством того, что названия этим рекам дало ираноязычное население Восточной Европы – скифы и сарматы.

После VI в. н. э. прямые контакты восточнославянской ойкумены с ираноязычным населе-

нием Восточной Европы были прерваны в связи с вытеснением ираноязычных аланов тюркоязычными аварскими племенами на Северный Кавказ и Дон. Тем не менее после возникновения Древнерусского государства в IX–X вв. и укрепления торгово-экономических связей между Русью и Ираном языковые связи между древнерусским и персидским языками продолжали развиваться, причем данный процесс происходил как напрямую, так и опосредованно – через языки других народов (в первую очередь через тюркские языки, распространенные в возникшей после монгольского нашествия в Восточную Европу в XIII веке Золотой Орде и в татарских ханствах – ее наследниках). В данный период времени в русский язык через посредничество тюркских языков (татарского и башкирского) проникают такие персидские слова, как бархат, булат, бакшиш, балаган, изумруд, караван, кинжал, палас, бахча, парча, пахлава, тахта, ферзь и шаль. Среди фарсизмов, проникших в русский язык, вероятно, в позднесредневековый период, можно отметить также лак, кинжал, шаль, шахматы, курган, сурьма, чума, тюльпан, обезьяна (от перс. «abuzine» «обезьяна»); караван, чердак, мишень, амбар, арбуз, аршин, бадья, алыча, базар, баклажан, бахча, жасмин, инжир, кишмиш, кунжут, сарай, шафран, шкаф, кафтан [1, с. 98]. В XVI веке Русское государство вышло к Каспийскому морю и стало для Ирана соседом, что упростило и активизировало культурный обмен между государствами.

Языковые связи между славянскими и иранскими народами отнюдь не исчерпываются древним и средневековым периодами истории. В Новое и Новейшее время они получили развитие в связи с распространением славянских языков (в первую очередь русского) в рамках расширения границ Российского государства. В новых условиях процесс принял обратный характер – славянская лексика проникает в иранские языки – в осетинский, таджикский и в собственно персидский. Наиболее активно данные процессы развиваются в XVIII–XIX веке, в период русско-персидских войн и параллельного развития русско-персидских торговых и дипломатических контактов. В первой половине XIX века в персидском языке появляются военные русизмы, например «аксельбант» («ваксилбанд») [8, с. 162]. Лексема «пуд» впервые упоминается в путевом дневнике Хосров-мирзы в 1828 году [6, с. 90]. Примерно к этому же времени относится появление таких заимствований, как «атаман», «червонс» («червонец»), «артист», «полоса» [6, с. 90–91]. Проникновение в персидский язык русских военных и бытовых терминов продолжается в период собы-

тий Конституционной революции в Иране и Первой мировой войны [9, с. 14].

Отдельное внимание заслуживают языковые контакты русского языка с другими иранскими языками – таджикским, осетинским и курдским. С середины XIX века Российская империя вступает в плотное соприкосновение с Бухарским эмиратом, попавшим от нее в вассальную зависимость. На территории данного государственного образования проживало значительное число таджикского населения, близкого по языку и культуре к персам. В это время начинается проникновение первых заимствований из русского языка в таджикский язык. Данный процесс усиливается в период пребывания Таджикистана в составе СССР. В первую очередь заимствовалась научно-техническая, общественно-политическая терминология, а также бытовая лексика. Переход таджикского языка на кириллицу в 1940 году облегчил проникновение в него славянской лексики. Большинство русских заимствований в таджикском языке (наименования предметов обихода, научно-техническая терминология и т. д.) составляют существительные: электричество, машина, театр, автобус, троллейбус, стол, сумка, поезд, телефон, самолет, футбол, акробатика, атлетика, аккордеон, гитара и др. После распада СССР в Таджикистане начался постепенный процесс замены русизмов близкими по смыслу фарсизмами [10, с. 92].

Со второй половины XVIII века русский язык и русская культура распространяются в среде осетинского народа. Именно в это время в осетинский язык проникают военные русизмы: «салдат» («солдат»), «булкьон» («полковник»), «иналар» («генерал»), административные и судебные термины: «пъæлицæ» («полиция»), «дзандар» («жандарм»), «пъырыстыф» («пристав»), бытовая лексика: «стьол» («стол»), «картоф» («картофель») и т. д. [11, с. 48].

Проникновение русской лексики в курдский язык началось в XIX веке и было связано с присоединением к России территорий Закавказья. Первоначально русское влияние в курдский язык (в первую очередь в курманджи), как отмечают З.Г. Исаева и М.И. Исаев, осуществлялось через посредничество еще одного индоевропейского языка – армянского. По данным авторов, в XX веке в курдском языке появляются такие военные русизмы, как «бомбавеж» («бомбардировщик»), «бомбрь» («бомбовоз») [11, с. 49].

Таким образом, говоря об особенностях славяно-иранского культурно-языкового взаимодействия, необходимо отметить, что иранское влияние на лексику славянских языков широко представлено во всех сферах – в духовной и

материальной культуре, в бытовой, военной и сельскохозяйственной лексике. Присутствие иранизмов в славянской лексике насчитывает не одно тысячелетие, при этом иранское влияние преобладает в языках восточнославянской языковой группы, что объясняется тесными историческими связями восточных славян с этносами восточноиранской языковой общности. В позднее Средневековье и в Новое время начался процесс проникновения в восточнославянские языки фарсизмов в связи с активизацией торгово-экономического и политического взаимодействия Ирана и России в бассейне Каспийского моря. Проникновение иранской лексики в славянские языки, в первую очередь в русский язык, происходило как прямо, так и опосредованно (через тюркские и европейские языки) и имеет давнюю историю (первые иранские элементы заимствовались до VIII в. н. э.). В свою очередь, активное проникновение славянской лексики в иранские языки относится к более позднему историческому периоду – к эпохе позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени и связано с постепенным усилением военного, политического, экономического и культурного влияния России, вступившей в непосредственное соприкосновение с ираноязычным миром.

Список литературы

1. Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 230 с.
2. Акбари Рогайе Мохарам. Русско-персидские языковые контакты (на материале заимствований): Дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. 185 с.
3. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.Л. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М.: Мысль, 1983. 206 с.
4. Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты как иноязычные субстраты). Расширенная редакция доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. 46 с.
5. Слово о полку Игореве. Вступ. ст. Д.С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; реконстр. древнерус. текста и пер. Д.С. Лихачева; сост., подгот. текстов и примеч. Л.А. Дмитриева. Л.: Советский писатель, 1990. 399 с.
6. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
7. Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник, 1987. М. (Б-ка поэта: Малая сер. 4-е изд.) С. 133–156.
8. Мохаммади Мохаммад Реза. Русские заимствованные слова в персидском языке в Большом персидском словаре от издательства «Сохан» // Джастар хайё забани. 2013. № 3 (15). С. 155–178.
9. Вахида Ферейдун. Проникновение иностранных слов в персидский язык и литературу в эпоху Конституционной революции // Исследовательский журнал дидактической литературы. 2009. № 3. С. 1–20.
10. Исмаилова Х.Э., Арсеньева И.А. Русскоязычные заимствования в таджикском языке // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 1. С. 91–95.
11. Исаева З.Г., Исаев М.И. Взаимодействие русского языка с языками иранских народов СНГ // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). С. 48–52.
12. Гилязетдинова Г.Х., Акбари Р. Семантическая адаптация русских заимствований в персидском языке XIX–XX вв. // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 5. С. 89–96.

LEXICAL PARALLELS IN SLAVIC AND IRANIAN LANGUAGES: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

E.B. Boev, Mohammad Mohammadian Souteh

The aim of this work is to give a historical overview of the penetration of Iranian vocabulary into Slavic languages and of Slavic vocabulary into the languages of the Iranian group. Based on the work of Russian and Iranian researchers, the issues of lexical parallels in Slavic and Iranian languages are considered, and the historical conditions of the Slavic-Iranian linguistic interaction are examined. The authors used an interdisciplinary approach, which makes it possible to study the topic under consideration in the historical, philological and cultural contexts. The result of the work is the analysis of lexical borrowings in various fields of the vocabulary – social, scientific, domestic, military, and also in the field of toponymy and spiritual culture in different historical periods.

Keywords: Iranian languages, Slavic languages, lexical parallels, Slavs, Iranians.

References

1. Ehdel'man D. I. Iranskie i slavyanskijeazyki. Istoricheskie otnosheniya. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 230 s.
2. Akbari Rogaje Moharam. Russko-persidskie yazykovye kontakty (na materiale zaimstvovanij): Dis. ... kand. filol. nauk. Kazan': Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2014. 185 s.
3. Bongard-Levin G.M., Grantovskij Eh.L. Ot Skifii do Indii. Drevnie arii: mify i istoriya. M.: Mysl', 1983. 206 s.
4. Gornung B.V. K voprosu ob obrazovanii indoevropejskoj yazykovoj obshchnosti (Protoindoevropejskie komponenty kak inoyazychnye substraty). Rasshiren'naya redakciya doklada na VII Mezhdunarodnom kongresse antropologicheskikh i ehtnograficheskikh nauk. M.: Nauka, 1964. 46 s.
5. Slovo o polku Igoreve. Vstup. st. D.S. Lihacheva i L. A. Dmitrieva; rekonstr. drevnerus. teksta i per. D.S. Lihacheva; sost., podgot. tekstov i primech. L.A. Dmitrieva. L.: Sovetskij pisatel', 1990. 399 s.
6. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnih slavyan. M.: Nauka, 1981. 608 s.
7. Vasil'ev M.A. Bogi Hors i Semargl vostochnoslavjanskogo yazychestva // Religii mira. Istoriya i sovremennost'. Ezhegodnik, 1987. M. (B-ka poehta: Malaya ser. 4-e izd.) S. 133–156.
8. Mohammadi Mohammad Reza. Russkie zaimstvovannye slova v persidskom yazyke v Bol'shom persidskom slovare ot izdatel'stva «Sohan» // Dzhastar hajeh zabani. 2013. № 3 (15). S. 155–178.
9. Vahida Ferejdun. Proniknovenie inostrannyh slov v persidskij yazyk i literaturu v ehpohe Konstitucionnoj revolyucii // Issledovatel'skij zhurnal didakticheskoy literatury. 2009. № 3. S. 1–20.
10. Ismailova H.Eh., Arsen'eva I.A. Russkoyazychnye zaimstvovaniya v tadzhikskom yazyke // Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2013. № 1. S. 91–95.
11. Isaeva Z.G., Isaev M.I. Vzaimodejstvie russkogo yazyka s yazykami iranskih narodov SNG // Voprosy filologii. 2010. № 1 (34). S. 48–52.
12. Gilazetdinova G.H., Akbari R. Semanticheskaya adaptaciya russkikh zaimstvovanij v persidskom yazyke XIX–XX vv. // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155, kn. 5. S. 89–96.